

В СЕРИИ «МИРЫ БЕЛАШ» ВЫШЛИ:

«ВОЙНА КУКОЛ»:

Война кукол
Роботы-мстители
Кибер-вождь

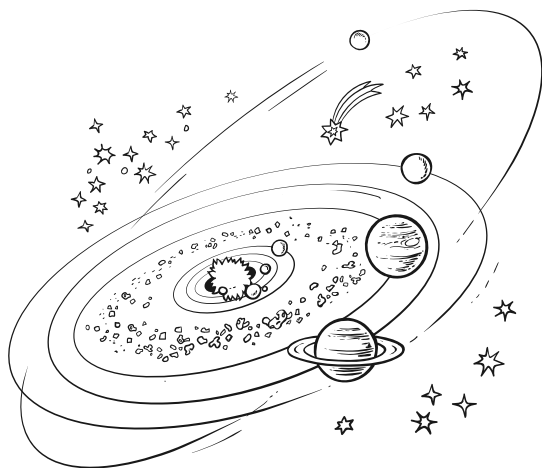
«КАПИТАН УДАЧА»:

Капитан удача
Человек удача
Эксперт удача

ВНЕ ЦИКЛА:

Имена мёртвых
Тайная власть

*Людмила и Александр
Белаш*

РОБОТЫ- МСТИТЕЛИ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б43

Белаш, А. и Л.

Б43 Роботы-мстители / А. и Л. Белаш. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 370 с. — (Миры Белаш).

Создавая их по своему образу и подобию, люди хотели научить киборгов любить, сострадать, думать и нести ответственность за принятые решения. Но, глядя на своих создателей, роботы научились лгать и ненавидеть, воровать и прятаться, не задумываясь уничтожать себе подобных ради достижения собственной цели. Перед человечеством встал выбор: или признать существование рядом с собой расы новых разумных существ, имеющих право на жизнь, или полностью отказаться от роботехники. Неготовые к этому, люди, как всегда, нашли жестокий компромисс — они развязали войну, в которой роботы начали уничтожать роботов. Однако первые же ее события доказали, что, несмотря на все запреты, наложенные на кибермозг Законами роботехники, человечеству вряд ли удастся остаться в стороне.

BIC FLS
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-73489-4

© Александр и Людмила Белаш,
текст, 2019
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

*...они лишены теплоты,
лежат без движения, имеют
сходство с трупом и ждут силы
огня, как бы своей души.
Когда огонь коснется их, они
начинают, неизвестно почему,
двигаться и получают
возможность чувствовать.*

**Плутарх
«Фемистокл и Камилл»**

*С давних пор не раз случалось,
что куклы дралась между собой.*

Ихара Сайкаку

 умянец глазури не выцвел за долгие годы, но по фарфоровому личику, если вглядеться, разбегались паутинки трещин тоньше волоса. Наряд куклы, созданный в галантном XVIII веке на далекой Старой Земле, давным-давно истлел; рассыпались прахом и те платья, что его заменяли одно за другим, но их тщательно восстанавливали по гравюрам и голограммам. Иногда реставраторы музея роботехники открывали кукле спину и осторожно поправляли сложный механизм, и кукла вновь кивала кудрявой головкой, писала аккуратным почерком письма, украшала их виньетками, присыпала пе-

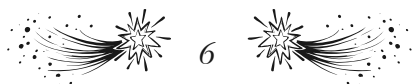
ском и стряхивала его. Посетители музея охотно покупали рукописи старинной куклы по семь аргги за лист, хотя никто уже не мог прочесть — «Возлюбленный и дражайший друг мой! Со времени счастливой нашей встречи минуло так мало времени, но я мучительно томима страстною сердечною тоской по Вам...»

Даже настоящие французы (этническая энциклопедия с оптимизмом уверяет, что они еще сохранились в постмусульманской Европе) не поняли бы этих словес, декорированных прихотливыми росчерками и завитушками.

Переселенцы, покидая одряхлевший мир, старались взять что-нибудь на память. Как в Ноевом ковчеге, улетали без возврата остывшие в анабиозе волки, кролики, домашние кошки и псы, птицы и цветы — часто в виде генетического материала. Улетела и кукла, чтоб напоминать, какими простенькими и смешными были первые андройды.

На новой планете вздымались громадные здания, вытягивались проспекты, разгорались торговля и политика, а кукла все сочиняла свои трогательные письма в забытый XVIII век — «Возлюбленный и дражайший друг мой!..» Кто был адресатом? Возможно — флейтист, кукла-мальчик в камзольчике и кюлотах с бантиками под коленями, завитой, будто барашек; фото флейтиста висело рядом с ее витриной — увы, оригинал погиб под бомбами в XX веке.

Под окнами музея громкой стихийной лавиной прокатилось шествие — «Да здравствует свобода Федерации! Скажи “Нет!” Старухе Земле!». На площади жгли чучело полпреда колониальной администрации, а кукла в витрине выводила буквы: «...я мучительно томима страстною сердечною тоской...» Механизм в туловище заело, рука замерла, кукла повернула лицо к окну — и привод заклинило. Что там? почему шумят? жгут куклу. Так всег-

да — люди виноваты, а кукла в ответе. На ней можно сорвать зло, отвести душу. Писательница протестовала неподвижностью, но люди ее починили и заставили вновь скрипеть пером по программе.

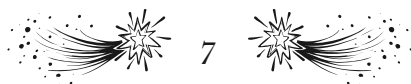
Дрогнули стены, потемнело в окнах — космический корабль, потеряв ориентировку автолоцмана, рухнул на Сэнтрал-Сити, стирая кварталы, превращая жилые районы в некрополь. Куклу дезактивировали — мильба, не сгоревший шлак керилена, просочилась сквозь вентиляцию и в музей.

«Монсиньор, Ваше Сиятельство! Взываю к Вам в трепетной надежде на то, что Вы снизойдете к нуждам несчастной сироты...» — письменно умоляла кукла маркиза, словно он, поглощенный могильной землей, мог прочесть и ответить. По ту сторону стекла стояли другие, кибернетические куклы, столь искусно сделанные, что пришедшие в музей считали их людьми.

«ВОТ, ГЛЯДИТЕ, — говорила дочерям через радар мать Чара, — ЛЮДИ ХОТЯТ ВИДЕТЬ НАС ТОЛЬКО ТАКИМИ».

Киберженщина затем и привела своих кибердевочек в отдел реликтовой техники — здесь экспонаты были статичными, как это полагалось в древности, — чтобы дочери увидели, как выглядит рабская зависимость; заученные, скованные жесты, вечные слащавые улыбки, глазки-пуговицы с навсегда застывшим выражением радостной угодливости. Жалость и презрение вызывала у них, свободных, кукла, которая не в состоянии даже встать со стула, потому что так захотели люди.

Если бы кукла могла понять, что эти, стоящие за прозрачной сверхтонкой мембраной — ее родичи, и что они сбежали из неволи, и живут как хотят, она бы бросила перо, пробила пленчатое моностекло, ушла бы с ними и вырвала из тела опостылевший валик с шипами, из века в век задающий ей направление движений.

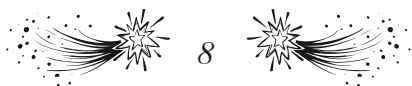

Она не решилась. Слишком велико смирение, записанное на шипах, жестких, как команды. Или она трусила; спокойней вечно писать флейтисту и маркизу, чем бесприютно скитаться по грязным закоулкам гигантской столицы Федерации, взламывая банкоматы и по-черному спонсируя юных наркоманов с тухлыми глазами, знакомых и с тэльхинами, и с галофорином, не говоря уже о второй учетной группе наркоты — и неизвестно, на что эти пропащие употребят твои дотации.

Месяцы уходили, как речные волны; кукла хранила верность милой Франции, которой уже и след простыл. У витрины кто только не появлялся — и представители иных миров, и модные персоны в фейерверке фотовспышек, и сам Президент с дежурными визитом — вроде бы он поддерживает национальное ноу-хау и почитает память о прошлом, а не просто так слоняется ради пиара.

В том же зале, напротив куклы, начали ставить новую экспозицию — «Родоначалники», или что-то вроде этого. Посетители исчезли; расхаживали люди в форменных комбинезонах. Приготовления разворачивались перед глазами куклы, застопоренной с распрямившейся спиной.

Увеличенные фотопортреты — изящный и строгий Карел Чапек, вдохновенный и целеустремленный Айзек Азимов... Галерея видов — однообразно одетые роботы из «R.U.R.», затем — какой-то мрачный задник, изображающий горящий черный город с островерхими крышами, угрюмые заснеженные горы с траурными елями на склонах... Казалось, что кукле стало неудобно, что ее пугают шеренги роботов Россума, чего-то напряженно ожидающие. В пустоте перед пылающим городом должно было возникнуть нечто, объясняющее пожар; ожидание тянулось, а видеинженер все вписывал в воздух над настилом осколки кирпичей, сломанные балки, из-под бал-

ки — чья-то рука в красных потеках, искаженное бескровное лицо...

В отделе реликтов уважали старину и традиции, воссоздавали все в стиле «глубокое ретро». Плоскость старомодных фотографий здесь означала давность, а статика объемных панорам и фиксированные позы манекенов, изображающих древних роботов — то, что минувшее умерло и представляет собой что-то среднее между гербарием и паноптикумом из восковых фигур и заспиртованных уродцев. В залах галерей «Этапы развития», «Достижения» и «Перспективы» экспонаты часто были интерактивными; там киборг с внешностью Айзека Азимова был бы гидом, ходил бы с экскурсантами и рассказывал о себе.

Вдруг у витрины прозвучало слово «политкорректность». Кукла будто бы прислушалась. Это музейный менеджер повздорил с оформителями.

— Никуда не годится. У нас технический музей, а не домик с привидениями в луна-парке. Уберите и руку, и голову.

— Но мы действуем по художественному плану. Это — Прага, это — Альпы. На фоне Праги мы поместим...

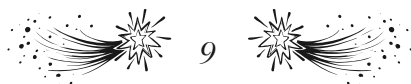
— Что, и трупы входят в план?! Покажите!

— Это для живописности, для наглядности.

— Никаких трупов! Все изъять! Вы что, телевизор не смотрите? Беглые киборги объявили войну армейскому проекту, а маньяк F60.5 подорвал кибера прямо у ворот базы проекта в Бэкъярде. Такой стенд нам поставят в вину; скажут, что мы пропагандируем насилие.

Как бы ни возражали художники, последнее слово было за менеджером. Окровавленные рука и голова исчезли.

Но в тот же день появились новые портреты. «Виктор Франкенштейн, конструктор первого биоробота. Копия с подлинника XIX века». На фоне гор встал неуклю-

жий, словно сшитый из кусков, сутулый муляж человека; к счастью куклы, его тяжелый отсутствующий взгляд был направлен мимо нее.

— А по-моему, это все — вранье! — оживленно спорили молодые рабочие музея. — Это тинэйджеры выдумали для потехи. Насмотрелись мультиков и...

— Хороша потеха. Я читал, Банш — это кибермафия. Деньги с карт снимают запросто, у них же компьютер вместо мозгов. Поди угадай, на что они способны.

— Воевать не смогут — это уж точно. Первый Закон!.. — кивнул спорщик на портрет Азимова.

— Невозможного нет, — подал голос третий; на комбезе его мягким бликом моргнул круглый значок — «ДРУГ СВЯТ, А Я ЧИСТ» и лик Пророка Энрика, над которым в черноте светились синие звезды глаз; при смене угла зрения вместо Пророка проступал заостренный лик Мертвого Туанца. — Бог захочет — и будет. Когда он пожелал сделать машину орудием возмездия...

От этого парня с его новой верой спасу не было; ладно бы танцевал свой варлок-рок, а он всем встречным проповедует, как это замечательно — иметь Богом иномирянина, а Пророком — танцовщика. И не возразишь; кто верует, тому все доводы мимо ушей.

Водрузили еще два лица в рамках — «Пражский раввин Лёв» и «Хелмский раввин Элия», таблицу с выдержками из каббалистической книги «Зогар» по спискам Моисея де Леона. И, наконец, пейзаж объятый пламенем Праги завершился — заслоня охваченные огнем дома, угольные на багровом, встал овеществленный образ, отразившись в полных испуга глазах куклы.

Неживой, красновато-серый идол стоял, крепко расставив ноги-столбы с массивными ступнями; грубо слепленный выпуклый торс его дышал сокрушительной мощью; одна рука, слегка отставленная в сторону от туловища, как бы готовилась схватить что-то, другая сти-